

УДК 398 (=512.31)
doi: 10.18101/978-5-9793-0054-2-2017-275-279

О ЯЗЫКЕ УЛИГЕРОВ ХОРИ-БУРЯТ

© Санжина Дарима Дабаяевна

доктор филологических наук, профессор, Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: dsanzhina@yandex.ru

Бурятский героический эпос делится включает три ветви: эхирит-булагатскую, унгинскую и хоринскую. При этом наименее изученной являются фольклорные памятники хори-бурят, что обусловлено в первую очередь отсутствием публикации записей хоринских улигеров. В статье рассмотрен язык бурятского героического эпоса хори-бурят, проанализирована история изучения хоринских улигеров, дана общая характеристика основных фольклорных памятников, рассмотрены их фонетические, морфологические, лексические особенности. Автор отмечает, что в рассматриваемых улигерах часто встречаются лексемы, которые не употребляются в литературном бурятском языке и восточных говорах в настоящее время, но имеют распространение в современных западнобурятских говорах. Сделаны выводы о необходимости более широкого и разноаспектного изучения языка улигеров хори-бурят с привлечением тюркского языкового материала.

Ключевые слова: фольклор; героический эпос; улигеры; хори-буряты; фольклорные памятники; лексика; архаизмы.

Бурятский героический эпос делится на три группы: эхирит-булагатскую, унгинскую и хоринскую. Если первые две группы исследованы достаточно широко, то хоринская малоизучена. Это обусловлено прежде всего тем, что до настоящего времени не были опубликованы записи улигеров хори-бурят. Кроме того, как отмечают фольклористы [1, с. 58–62], буддизм, распространившийся в Забайкалье в конце XVII — начале XVIII в., отрицательно повлиял на развитие и распространение улигеров среди хоринских бурят. Как пишет А. Б. Соктоев, «... вскоре улигеры оказались вытравленными ими (ламами-священнослужителями. — Д. С.) почти по всей территории Забайкалья» [2, с. 59]. Однако не гонениями лам обусловлено затухание улигерного жанра на востоке Бурятии, а распространением вертикальной монгольской письменности, появлением на ней религиозной, светской и другой литературы. Почти в каждом доме у забайкальских бурят в прошлом имелись книги на старомонгольской письменности, реже — сочинения на тибетском языке.

По мнению исследователей, эхирит-булагатский эпос считается наиболее древним. Так, известный бурятский фольклорист А. И. Уланов относит эхирит-булагатские улигеры к первому тысячелетию, периоду разложения матриархата; унгинские — к периоду перехода к скотоводству; хоринские же улигеры — к более поздней стадии общественно-исторической жизни бурят [3, с. 219]. Наряду с сохранением в них некоторых древнейших черт бурятского эпоса (борьба с мангадхаями — зооморфные и антропоморфные образы чудовищ и др.) мы видим уже здесь черты развитого скотоводства: появляется пять видов животных (табан хушуун мал: *морин* «конь», *үнеэн* «корова», *тэ-*

мээн «верблюд», хонин «овца», ямаан «коза»), возникают феодальные отношения.

Улигеры хори-бурят начали привлекать внимание исследователей еще в XIX в. Так, известный этнограф, исследователь Центральной Азии и Сибири Г. Н. Потанин, бывавший неоднократно в Забайкалье, в 1883 г. опубликовал на русском языке прозаический пересказ улигера «Болод Хурай», записанного у агинского улигершина [4]. В 1908 г. Цыбен Жамцарано — один из первых бурятских ученых-фольклористов осуществил записи более 10 улигеров у известного сказителя из Аги Базара Балданова: «Мэньелтэ Мэргэн» («Мэньелтэ Меткий»), «Хэдэр Мэргэн» («Хэдэр Меткий»), «Саазуунай хүбүүн» («Сазунай мальчик»), «Жэбжэлтэ Мэргэн» («Жэбжэлтэ Меткий»), «Түмэр Болдор» («Железный Бугор») и др. Эти материалы, за исключением улигеров «Мэньелтэ Мэргэн» и «Хэдэр Мэргэн» [5], хранятся в архиве ученого в Институте востоковедения (Санкт-Петербург). Занимался сбором фольклорного материала у своих земляков и Базар Барадин. Так, им записано более 30 произведений устного народного творчества, которые хранятся в Санкт-Петербурге в архиве востоковедов (ф. 87).

Улигеры хоринских бурят существуют в стихотворной и прозаической форме, чаще бытует смешанная стихотворно-прозаическая форма. Это небольшие эпические полотна объемом две–три тысячи строк, в отличие от эхирит-булагатских, которые достигают нескольких десятков тысяч строк.

Материалом для статьи послужили улигеры хоринских бурят: «Мэньелтэ Мэргэн», «Хэдэр Мэргэн», зафиксированные Ц. Жамцарано, а также записи, сделанные в 50-е гг. XX в. П. Б. Балданжаповым у сказителя из Онона Галсана Тыхеева: «Боро соохор моритой Боронтуу Мэргэн» («С серо-пестрым конем Боронту Меткий»), «Зүгы мэргэн хаанай Мижэд хүбүүн» («Пчелиного меткого хана Мижэд сын»), «Үнэгшэн сагаан ботогон» («Сиротка белый верблюжонок»), которые были опубликованы в 1961 г. в сборнике «Агын үльгэрнүүд» («Улигеры Аги»).

Язык фольклорных памятников представляет собой ценный источник для исследования языка в диахроническом аспекте. Ю. Г. Рамстедт справедливо отмечает, что если былины монгольские не имеют исторического значения, то, наоборот, значение их в отношении изучения языка весьма важно. «Они представляют богатейший материал для истории и научного понимания языка, сохранив много старинных слов, дающих возможность судить и о культурном влиянии соседних народов в раннюю пору их жизни: многие из таких слов теперь исчезли из употребления и монголам не понятны...» [6, с. 50].

Языковые особенности улигера «Гэсэр» — величайшего памятника устного народного творчества бурят, были специально рассмотрены в монографическом исследовании М. П. Хомонова, где автор, в частности, пишет, что языку улигеров до сих пор в исследованиях не уделялось должного внимания [7, с. 142].

Изучение языка улигеров хори-бурят представляет научный интерес в плане восстановления исторической основы литературного бурятского языка, так как именно на базе данного диалекта развивается современный литературный бурятский язык.

Хоринские улигеры исполнены на общебурятском языке и в целом понятны современному слушателю, читателю. Вместе с тем, поскольку фольклор-

ный язык — это «не живой язык» [7, с. 142], здесь встречаются специфические архаичные элементы, главным образом в области фонетики и лексики, а также грамматические явления, не характерные для современного литературного употребления. Например, такие фонетические особенности: сохранение фонемы «с» вместо «h» в слове сайн «хороший»: *Саг сайн, / Сахилза хүхэ* «Время хорошее, Ирис-трава синяя». В литературном бурятском языке и во многих диалектах, кроме южнобурятского наречия, будет *хайн*.

Сохранение исторического комплекса ГСГ в слове *агуула* «гора»: *Агуулын шэнээн/Алтан шаргал моритой* «Рыжевато-золотистый конь С гору величиной», в современном бурятском — *уула*.

В области морфологии часто встречается оформление окончания родительного падежа как *-ни*, вместо литературного *-най*: *Эртэ үглээни нараар* «Ранним красным солнцем»; *Хэниш адууна мал гээшэ бэ?* «Чей это скот?»; *Зууни зуунхэн хойто/Зүгэй муухай оронхоо* «С самой восточной, / Самой плохой стороны»; *Барууни баруун хойто зүгые баряад* «Взяв направление на самый запад». Данная форма характерна для западнобурятских говоров. Употребляется древнемонгольская форма указательного местоимения *түүнэй* «его», вместо современного *тэрээнэй*: ... *түүнэй одхон тэнгэрийн басаган* «его младшего (тенгрия) неба дочь». Это местоимением встречается в современных западнобурятских говорах.

В области лексики следует отметить прежде всего устаревшие названия и понятия, связанные с прошлым бытом бурят: *тооно* «круг верхнего дымового отверстия юрты с решетками на нем, на которые ставилась для закрывания крышка *дэбэр*: *Булжамархан шубуун боложо, / Тооно дээрэһэнь хараба* «Превратившись в жаворонка, посмотрел через дымовое отверстие».

Туурга «войлочные стенки (у юрты): *Туурга нэбтэ толотодог / Тунгалаг хайхан шартитай юм / Толи мэргэн хүүхэн* «Просвечивающее через войлочные стенки / Ясное, прекрасное лицо / Девушки, досл. «Меткое зеркало».

Шэрээ в значении «престол, трон»: *Шэрээгэй байхада һуунгүй / Шэрдэг дээрэ һууха* «Не сев на трон, стоящий, / Сел на войлок».

Названия приспособлений, орудий, деталей: *араг* «плетенная из прутьев корзина для собирания навоза»: *Хүгшэн зуурань ушарба / Ара нюргандань араг уяатай / Баруун гартань һабар хадаатай* «На пути встретилась старуха, / На спине которой была привязана корзина, / К правой руке прибита лапа».

Хэбтэшиэ «футляр для огнива, кисет с прибором для высекания огня: *Бодото номоо һомоо хэбтэшиэ сооһоо гаргажа* «Настоящий лук и стрелы, вынув из футляра».

Урга «шест с петлей (для ловли лошадей или скота)»; *гогшоо* «приплетаемая коса»: *Ургын гогшоо тайлажа* «Развязав косу (петлю) на урге».

Названия одежды, материала из которого изготовлены: *шара һэеы дэгэлтэй* «желтая войлочная шуба»; *Далан табан тобиотой, / Дара магнал дэгэлээ / Дээдэ захын абдарһаа / Абажа үмдэбэ юумэлтэй* «С семьюдесятью пятью пуговицами / Из китайского узорчатого шелка дыгыл-пальто, / Достав из верхнего сундука, / Надел на себя; *хамба луушан гутал* — досл. (важные, почетные) драконовые унты.

Особенностью улигеров хоринских бурят является лексика, связанная с верблюдоводством. Надо отметить, что в Аге вплоть до 60-х гг. прошлого века в хозяйствах водились верблюды, в последние годы в некоторых районах Бу-

рятия возобновляется разведение данных животных. Однако данная лексика отсутствует в западнобурятских говорах, современные буряты также слабо представляют ее.

Верблюдоводческая лексика относится к специфической архаичной лексике бурятского языка. Рассмотрим, например, названия верблюдов по полу и возрасту:

ботогон «верблюжонок»; *шэрэг сагаан ботогон* первое слово отсутствует в бурятско-русском словаре, далее «белый верблюжонок».

Тайлаг «двухгодовалый верблюд, *энгин* «верблюдица», *буура* «верблюд-самец, *атан тэмээн* «кастрированный верблюд», *атан буура* «холощенный и нехолощенный верблюд»:

«*Хүгшэн хара буура гэжэ / Абыемни хэлэнэ, / Хүгшэн харагша энгин гэжэ / Эжыемни хэлэнэ, / Залу сагаагша тайлаг гэжэ / Намайе хэлэнэ, / Намайе эрижэ ерэнэн / Хүн байна даа*», — *гэбэ Толи найханн хүүхэн...* «Говоря о старом черном верблюде, / Об отце говорит. / Говоря о молодой, двухгодовалой верблюдице, / Обо мне сказал, / Моей (руки) он просит, этот человек», — сказала прекрасна девица Толи. Речь идет об этикете сватовства.

Понятия, связанные с верблюдом: *буйла* «кляп в носу (верблюда или быка), *буйлаа(н)* «рев (верблюда)», *буйлаха* «плакать, реветь (о верблюдице по верблюжонку): *Амтан шара уурагаа / Амацаагүйгөө шаналба. / Үдэрише боло уйлана, / Гүнише боло буйлана* «Вкусное, желтое молозиво / Не испробовав, скорбит, / И днем плачет, / И ночью рыдает — о верблюжонке».

Бурантаг «веревочка-повод, идущая от носовой затычки верблюда: *Гунжан тэмээгээ барижа, / Мунгэн буйлаар буйлаад, / Алтан бурантагаар бурантаглаад, / Тэмээшэн үбгэндөө унуулжа, / Тишэдэ эльгээхэ гэбэ* «Поймав трехгодовалую верблюдицу, / Серебряным кляпом взнуздав, / Золотым поводом привязав, / Старика-верблюдовода посадив, / Отправьте туда, — сказал.

Архаизмами являются глаголы *абалха, хайдаглаха* «охотиться, выходить на облавную охоту», образованные от древнего названия *аба хайдаг* «облавная охота» у восточных бурят, западные буряты называют ее *зэгэтэ аба*. *Аба хайдаг газараа / Хайдаглан зорижо гарахадам* «Когда собрался охотиться / На местах своих, где облавная охота»; *Абалангүй байд гээд / Абалха гэжэ мордоно* «Побыв, не охотясь, / Отправился на облавную охоту».

Хонгордохо «играть в альчики»: *Эльгэн хара шулуунуудые / Эгсэ өөдэнь хонгордоожо* «Черные, как печень, камушки / Резко вверх подбросив, играя».

Следует отметить, что в рассматриваемых улигерах часто встречаются лексемы, которые ныне не употребляются в литературном бурятском языке и восточных говорах. Но они бытуют в современных западнобурятских говорах. Например: *урөөлэ* «половина» в литературном *хахад*; *тэхэрихэ* «вернуться, возвращаться», в лит. *бусаха* и др. Западнобурятские элементы в языке улигеров хоринских бурят в определенной мере можно считать древними реликтовыми явлениями собственно хоринского диалекта, так как носители данного наречия являются аборигенами Предбайкалья, территории расселения западнобурятских родов.

Кроме того, в данных улигерах встречается много слов, не зафиксированных в «Бурятско-русском словаре» К. М. Черемисова и Л. Д. Шагдарова. Это определения к слову *зандан* «сандал» (*өөл зандан, яшал зандан, тойл зандан*); слово *хонгой*: *Хойноһоомни эдибэлтнай, / Хоер найхан хонгой байна. / Дээрэнһэемни эдибэлтнай, / Хоер найхан бүхэн байна. / Дороһоомни эдибэлт-*

най, / *Дүрбэн хайхан табгай байна* «Если захотите съесть меня сзади, / Есть два прекрасных хонгоя. / Если захотите съесть меня сверху, / Есть две прекрасные задние части. / Если захотите съесть меня снизу, / Есть четыре прекрасные ножки». Здесь слово *бүхэн* требует пояснения, так как в литературном бурятском языке оно обозначает «крепкий, прочный», но в западных говорах — «задняя часть тела, зад»; *бүхэ бэе* — «id». И данное значение соответствует смыслу.

В заключение следует подчеркнуть, что язык фольклора бурят, в частности, язык улигеров хори-бурят чрезвычайно богат и требует более широкого и разноаспектного изучения с привлечением тюркского языкового материала, ибо в монгольских языках «имеется около 25% лексических и около 50% морфологических элементов общих с тюркскими» [8, с. 166].

Литература

1. Улигеры хори-бурят / сост. М. Н. Намжилова; отв. ред. Ц.-А. Дугар-Нимаев. Улан-Удэ, 1988. 174 с.
2. Соктоев А. Б. Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода. Улан-Удэ, 1976.
3. Уланов А. И. Бурятский героический эпос. Улан-Удэ, 1963.
4. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883.
5. Мэньелтэ Мэргэн / сост. Ц. А. Дугар-Нимаев, М. Н. Намжилова; отв. ред. Ц. А. Дугар-Нимаев. Улан-Удэ, 1984. 144 с.
6. Рамстедт Ю. Г. О монгольских былинах // Труды Троицк.-Кяхт. отд. Приамур. отд. Импер. Рус. геогр. об-ва. Иркутск, 1902. Т. 3.
7. Хомонов М. П. Бурятский героический эпос «Гэсэр». Улан-Удэ, 1976.
8. Рассадин В. И. К истории тюрко-монгольских языковых связей // Исследователь монгольских языков (к юбилею Б. Х. Тодаевой). Элиста, 2005. С. 163–180.

LANGUAGE OF KHORI-BURYAT ULIGERS

Darima D. Sanzhina

Buryat State University

24a, Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Buryat heroic epic is divided into three branches: Ekhirit-Bulagatsky, Unginsky and Khorinsky. The folkloric monuments of the Khori-Buryats are less studied because of absence of the publication of the Khori uligers notes. The article examines the language of the Buryat heroic epic of Khori-Buryats, analyzes the history of studying the Khori uligers, gives a general description of the main folklore monuments, examines their phonetic, morphological, lexical features. The author points out that there are often lexemes that are not used in the literary Buryat language or East Buryat dialects at the present time. But they are widespread in the modern West Buryat dialects. In conclusion the author stresses that there is a necessity of wide and versatile study of the language of the Khori-Buryats uligers with the involvement of the Turkic language materials.

Keywords: folklore; heroic epic; uligers; Khori-Buryats; folklore monuments; lexis; archaisms.